

Clifford Simak

Time is the Simplest Thing

НЕКОТОРЫЕ ПОПРАВКИ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПОНЯТИЯ «ЧЕЛОВЕК»

Пожалуй, в творчестве каждого писателя есть некий лейтмотив, некое ключевое понятие, то единственное слово, до которого может быть редуцировано все, сделанное им в литературе. К примеру, у Брэдбери таким понятием является культура, у Желязны — миф, изначальные архетипы, без которых невозможно само существование людей как некой общности; у Хайнлайна, самого американского из фантастов — свобода... Замечу, что в каждом из приведенных примеров речь идет о некоей надличностной идее, ценность которой выше не только отдельной человеческой жизни, но даже и всего человечества. Полагаю, вдумчивый читатель без труда продолжит этот ряд, не ограничиваясь фантастикой — так, в качестве сверхидеи всего творчества у Достоевского обнаруживается совесть, а у Набокова — ностальгия. Для Клиффорда Саймака такой надличностной ценностью,

вне всяких сомнений, был гуманизм — но, как бы парадоксально это не звучало, гуманизм, простирающийся гораздо дальше собственно человека, а иногда и вне его, ведь «человеческий» и «человечный», к сожалению, далеко не одно и то же.

Вообще, с определённой точки зрения вся наша история вполне может быть представлена как всё большее расширение того круга, к которому применимо само понятие «человек». Сперва это был исключительно член своего племени, а все остальные считались варварами, гайдзинами, кафирами — то есть, существами, заведомо низшими. Теми, в отношении которых можно позволить себе любую бесчеловечность. Затем настало время, когда одна раса объявила себя выше остальных, и в мир снова вернулось рабство — причём куда как превосходящее по жестокости античное. Наконец, «просвещённый» XX век вернул в Европу понятие геноцида, ещё вчера казавшееся немыслимым. Однако и после победы над нацизмом мир не стал единым: современная Саймаку Америка, с её претензией на мировое господство и статус «самого демократичного государства планеты», продолжала исповедовать и расовую сегрегацию, и террор по идеологическому принципу — пресловутый маккартизм. Всегда находится кто-то, кого можно безнаказанно исключить

из круга людей — и, соответственно, отказать ему в праве на человеческое обращение. Для Саймака подобное было категорически неприемлемо, и никакие ссылки на «обстоятельства» или «текущую необходимость», никакие доводы учёных или политиков не могли переубедить его.

Но Саймак — и в этом, пожалуй, заключается его уникальность — идёт много дальше. Для него понятие «человек» не только значительно шире собственно биологической принадлежности к виду *Homo sapiens sapiens* — оно, порою, даже не включает в себя тех, кого Платон определил как «двуногих животных с плоскими ногтями, лишённых перьев», если те не соответствуют определённым базовым морально-этическим критериям, которые, по Саймаку, человека и определяют.

Вспомним культовый роман Саймака «Город», в котором в рамках единой цивилизации равноправно существуют и люди, и роботы, и разумные псы. Цивилизации, изжившей само понятие убийства — вне зависимости от целей и оправданий. Когда выясняется, что люди — пусть только некоторые из них — в принципе сохранили способность убивать, их аккуратно, но без жалости, высылают в параллельный мир, туда, где до

торжества человечности остаются ещё многие тысячелетия. А когда Псы сталкиваются с муравьиной цивилизацией, с её тупой и всеодолевающей силой — они предпочитают и сами оставить Землю, потому что капитуляция и бегство для них приемлемее, чем война.

Это действительно лейтмотив всего творчества Саймака, его магистральная тема, красной нитью проходящая сквозь всё, им написанное. К примеру, роман «Снова и снова» с его борьбой за права андроидов, чьё единственное отличие от людей заключается в способе появления на свет. И так по Саймаковски сделать главного героя, Ашера Саттона, принесшего андроидам свободу, уже не вполне человеком, находящимся в симбиозе с инопланетной сущностью. Та же тема присутствует и в «Кольце вокруг солнца». Но если в «Снова и снова» главный герой узнаёт, что его возлюбленная — андроид, то в «Кольце» литератор Виккерс осознаёт, что не только является андроидом, но и частично «мутантом», одним из тех, за кем на Земле ведётся настоящая охота. И в этой реальности (точнее, реальностях, поскольку действие «Кольца вокруг солнца» происходит в двух параллельных мирах) и мутанты, и андроиды оказываются гораздо человечнее многих «биологических безупречных»

людей. В «Почти как люди» Саймак выводит на сцену представителей сразу двух инопланетных рас: это «шары», воплощающие в себе всё худшее, что есть в человеке — его алчность, жестокость и нетерпимость, — и Пёс, как и в «Городе» олицетворяющий самые светлые человеческие качества. Именно Пёс объясняет герою романа, Паркеру Грейвсу, как именно людям стоит беречь Землю. Ещё одно культовое произведение Саймака, «Всякая плоть — трава» не оставляет ни малейших сомнений, кто — люди или Цветы — более соответствует гуманистическому идеалу.

У каждого народа для каждого поколения есть свои нормы, и эти нормы устанавливаются не законом, не по универсальному эталону. Они устанавливаются общественным мнением, которое, в свою очередь, складывается из предубеждений, и из непонимания, и из извращённой логики, столь свойственных человеческому разуму.

Пожалуй, эти слова из «Что может быть проще времени?» полностью описывают суть той проблемы, которая вызывала у Саймака такое беспокойство. И разумеется, насаждаемые нынче лицемерные толерантность и политкорректность не имеют к её решению ни малейшего отношения.

Фабула перечисленных романов практически одинакова: большая часть косного, не приемлющего любое отклонение от обывательской «нормы» человечества преследует тех, кто этим «нормам» не соответствует, — в то время, как меньшинство не только встает на сторону изгоев, но и в конечном итоге выступает против собственного биологического вида. Впрочем, это «тоже», как правило, весьма пассивно: насилие — не метод героев Саймака.

Нельзя не вспомнить, что примерно в то же время на другом краю света братья Стругацкие пишут очень «саймаковский» рассказ «Бедные злые люди»¹:

— Ты пробовал когда-нибудь стрелять в человека?

Толя сморщился, но ничего не сказал.

— В том-то и дело, — сказал Эрнст. — Попробуй хоть представить. Это почти так же противно.

Кажется, любой их героев Саймака согласился бы с этим утверждением. Сама мысль о насилии как средстве решения конфликта, даже ради самозащиты, для них омерзительна независимо от того, люди это, андроиды,

---

¹ К сожалению, «Бедные злые люди», написанные в 1964 году, увидели свет лишь в 1993-м, когда Клиффорд Дональд Саймак уже покинул наш мир.

мутанты или пришельцы. Именно поэтому они любой битве предпочитают бегство вместе с себе подобными в иной мир, будь то другая планета или параллельная реальность, оставляя Землю тем, кто составляет на ней неисправимое большинство.

Предваряемый данным текстом роман «Что может быть проще времени?», написанный в 1961 году, между «Кольцом вокруг солнца» и «Почти как люди», полностью укладывается в описанную выше концепцию. Еще один тест на человечность, проваленный человечеством. На этот раз вызывающим всеобщую ненависть меньшинством являются «парасихи» — люди, обладающие паранормальными способностями.

Здесь стоит отметить, что еще один сквозной мотив творчества Саймака — острая критика современного ему «дикого капитализма», лишенного любой социальной ответственности. В уже упоминавшемся выше романе «Почти как люди» именно его олицетворяют собой инопланетные захватчики — «шары». В «Что может быть проще времени?» эту роль с достойным лучшим применением усердием исполняет корпорация «Фишхук»¹.

---

¹ Рыболовный крючок (*англ.*).

На первый взгляд «Фишхук» — благодетель человечества, открывший ему путь к недоступным техническими средствами звездам с помощью своих операторов-«парапсихов». Благодаря достижениям корпорации, люди получили доступ к множеству инопланетных технологий, способных кардинально переменить жизнь к лучшему — чего стоит одно только решение продовольственной проблемы с помощью завезенных из космоса неприхотливых и весьма питательных мясных корнеплодов. Однако на практике жесткая монополия «Фишхука» на всю свою продукцию, с которой не в состоянии конкурировать производители земных аналогов, ведет лишь к массовому обнищанию — а это, в свою очередь, отнюдь не способствует народной любви. Однако если сама корпорация надежно защищена от любых посягательств, не попавшие в число ее сотрудников паранормы фактически вынуждены вести жизнь изгоев, тщательно скрывая свои способности от новых «охотников на ведьм».

(Здесь невольно вспоминается история реально существующей компании «Монсанто», являющейся монополистом на рынке генетически модифицированных семян. И дело не в пресловутой и гипотетической опасности такой продукции: сегодня целые государства оказываются фактически в продовольственной

зависимости от «Монсанто», что уже вызвало фермерские бунты, например в Индии. Поневоле задумаешься о том, как и всякий талантливый фантаст, Саймак оказался пророком.)

В завершение нельзя не отметить ту связь, которая (прямо или косвенно), безусловно, существует между «Что может быть проще времени?» и рядом других классических произведений американской фантастики. Например, фраза «Меняюсь с тобой разумами», с которой и начались злоключения «парапси-ха» Шеппарда Бэйна, явно была известна Роберту Шекли, когда через четыре года после выхода романа Саймака он принялся за свою знаменитую повесть. А уж Филип Дик — тот, кажется, только и делал, что полемизировал с Саймаком каждой своей книгой.

Что ж, возможно, роман, с которым предстоит познакомиться читателю, не так знаменит, как «Город» или «Заповедник гоблинов», однако ничуть не уступает им ни живостью действия, ни глубиной мысли. И за те более чем полвека, которые прошли со времени его написания, нисколько не устарел — а это и есть признак настоящей литературы, над которой не властно время.

А что может быть проще времени?

Аркадий Рух

**ЧТО МОЖЕТ БЫТЬ
ПРОЩЕ ВРЕМЕНИ?**